

Продуцирование и самоощущение

1

Обращение к представлениям о самоощущении (внутреннем чувстве, чувстве себя) продиктовано необходимостью нового самоопределения культурно-исторической концепции и теории деятельности. Соответственно, должны быть заново положены их центральные концепты – опосредствование и действие.

Л.С.Выготским была заявлена, а его последователями удержана та позиция, из которой осмыслялись, т.е. мысленно и экспериментально моделировались, события человеческой жизни. Эта позиция была задана как *управление поведением*. Управление выступило как придание поведению *формы* произвольности, каковая, в свою очередь, была представлена как форма *действия*. Представление о действии как форме активности диктовала схема трудового акта, практически реализованная в промышленной революции второй половины XIX века. В соответствии с этой схемой деятельность и действие сводились к производству вещей, соответствующих потребностям. Основная драма и интрига, напряжение деятельности строились и понимались как невозможность прямого достижения требуемого результата - встречи потребности с предметом. И поэтому центром действия было отношение его способа и средства к мотивам и целям. Если основой целостности современной социокультурной ситуации остается трудовой акт, интрига которого мыслится и строится как соотношение прямого и «обходного» пути, то не надо ничего переосмысливать в понимании действия как формы поведения и формы активности. Рассогласованность средств и требований (задач) остается тем единственным отношением, который определяет способ управления поведением – способ его превращения в действие. Понятно, что субъективные и интимно-субъективные компоненты поведения оказываются вторичными и несущественными моментами порождения действия.

Похоже, однако, что социо-культурная (а м.б. даже и антропологическая) ситуация изменилась. Симптомом и показателем этого изменения является настойчивое акцентирование идентичности и самоидентичности как ядерных характеристик человеческого существования. Согласования средств и целей здесь недостаточно. Другой, более глубокий разрыв задает интригу идентификации. Это разрыв между построением действия (вместе с его целями и результатами) и «присутствием» этого действия в мире, трудность отражения человеку его действенного начала.

2

В работе "Содержание, материал и форма художественного произведения" М.М.Бахтин делает парадоксальное для культуролога заключение. Он полагает, что в основании архитектоники художественного произведения находится "чувство собственной активности" его автора [1, с. 62-63]. Художественное произведение является осуществлением и оформлением именно этого чувства. М.М.Бахтин пишет, что «...в каждом моменте творец и созерцатель чувствует свою активность – выбирающую, созидающую. Определяющую, завершающую – и в то же время чувствует что-то, на что эта активность направлена». [там же]

Темы "чувства собственной активности" или ощущения своего действовани^я касался и сам Л.С.Выготский, и его ученики. А.В.Запорожец в работе "Развитие произвольных движений" пишет о том, что "предпосылкой перехода реакций из непроизвольных в произвольно управляемые является превращение их из неощущаемых в ощущаемые..." [7, с. 71], и посвящает целую главу книги экспериментальному исследованию возникновения самоощущаемости. Н.Д.Гордеева и В.П.Зинченко [4] говорят о том, что само движение обладает чувствительностью.

Вместе с тем, положения об о^щутимости движения и действия находились как бы в стороне от основного русла разработки и теории опосредствования и теории действия - из них не были выведены следствия, касающиеся сути этих теорий, и потому они остались тем "камнем", который "презрели строители" теории и техники опосредствования и действия.

Для того, чтобы представить себе какую-либо активность вне ее ощущения, надо вообразить существо, которое действует в абсолютном "эфире" и чей орган движения не сочленен со всеми остальными, не взаимодействует с ними, не "трется" о них, не "гонит волну" изменений. Но такое существо и само будет либо "эфиром", либо распавшейся ("разобранной") органикой - веществом.

Специфическое ощущение напряжения, усилия или, точнее говоря, ощущение перехода, сдвига усилия (в пределе - перехода от не-напряжения к напряжению), возможно лишь при наличии неких препон и связано с преодолением их сопротивления. Л.С.Выготский это понимал и писал о том, что произвольному процессу соответствует специфическое переживание усилий, которое связано с преодолением привычных автоматизмов [3]

За высказанными суждениями стоит одно допущение, которое необходимо эксплицировать: действие претерпевается действующим, т.е. действует на само "строение" действующего, а не только лишь на "внешний мир" и свой непосредственный объект в нем.

Всякое действие является "обоюдоострым": одно его "острие" направлено на объект, а другое, в силу самой этой направленности,-- на действующего; действие занимает место посредника между "объектом" и "действующим". Претерпевание действующим своего действия является как необходимым и неотъемлемым моментом самого действия, так и источником чувства собственной активности (ощущения действовани^я), т.е. переживания в собственном смысле слова.

Введение представления о неотъемлемости претерпевания преодолевает однобокое и натуралистическое понимание активности, явно или неявно заданное в деятельностной теории, так же, как в самой этой теории была преодолена презумпция лишь претерпевающего воздействия субъекта, характерная для субъективно-эмпирической психологии и бихевиоризма. Действительно, субъекта жизни нельзя понимать только как претерпевающего внешние действия и адаптирующегося к ним. Но это не значит, что претерпевание (страдание) вовсе должно быть изъято из набора средств анализа и описания поведения и упущено то интуитивно ясное обстоятельство, что сам акт действия есть претерпевание и страдание действующего, т.е. всегда и необходимо, преднамеренно или нет, но его действие собой и поэтому с собой.

Очень наглядное и убедительное подтверждение того, что действие в отношении действующего выступает как претерпвание, имеются в замечательной книге А.Н.Леонтьева и

А.В.Запорожца «Восстановление движения» [11]. Эта книга написана по материалам наблюдения и исследования процесса восстановления двигательной функции руки после ранения. Анализировались данные восстановительной терапии, проводимой на основе созданных авторами методик.

В случаях, описанных в книге, слова о претерпевании собственного действия и страдания не могут вызвать никаких сомнений – речь идет о боли от движения раненной руки. Характерно, что «благодаря» этому претерпеванию у человека создается специальный функциональный орган – «моторная установка», которая в данном случае направлена на ограничение движений. Моторная установка является центральной характеристикой так называемой «внутренней картины движения». Существенно, что восстановление движения – это система действий, направленных на преодоление отрицательной моторной установки и тем самым создание иной формы претерпевания движения.

Итак, необходимым моментом совершения действия является то, что его объектом оказывается не только внешний мир, но и сам действующий. Действие необходимо оборачивается претерпеванием. В претерпевании человеком совершаемого им же действия возникает чувство собственной активности (ощущение действования). Это ощущение является условием возможности действия. Действие является не только всеобщим способом устройства мира, не только всеобщим способом созидания формы этого устройства - культуры, но и всеобщим способом и посредником обращения мира и культуры на самого действующего и, тем самым, способом проявления его самоощущения - необходимого условия существования в мире.

3

Буквальное чувство себя, самоощущение неотъемлемо входит в выполнение действия. Остается вопрос о том, как сопряжено *становление* действия со становлением его субъективной ткани – чувства себя.

Для ответа на этот вопрос уместно обратиться к экспериментальному исследованию А.В.Запорожца и М.И.Лисиной [7], которое строилось как модель изучения самоощущения. В эксперименте, выстроенном по канонам экспериментального геноза, изучался переход от неощущаемости к ощущаемости вегетативных (вазомоторных) реакций.

Интересна и показательна сама форма эксперимента. В тех случаях, где был получен эффект ощущения вазомоторных реакций и их произвольной регуляции, течение этих реакций как бы выносилось на своеобразный «экран»: либо испытуемый видел их динамику (видел свою плетизмограмму), либо эта динамика кодировалась через динамику тактильных ощущений (нажатие на руку), либо через звуковые изменения. Экран работал как отражатель и усилитель неощущаемого. И в той мере, в какой он так работал, внутреннее движение ощущалось, «переживалось».

Трудно переоценить значение этих экспериментов. В теорию деятельности, действия и опосредствования было введено новое звено – сама телесность действующего, интимно-субъективный слой, неизменно подразумевающийся и столь же неизменно ускользающий от

создателей теории действия. Увлеченность представлением о действии как преобразовании вещей мешала заметить, что пробно-поисково-ориентирующая «сторона» действия должна быть связана не только с анализом его внешних условий, но и с приведением органа и тела в состояние «живости», чувствительности. В дальнейшем это было показано в работах Н.Д.Гордеевой и В.П.Зинченко.[4] Только сейчас, спустя 44 года, представление о «самочувствовании» становится основанием психологии телесности.[14]

В экспериментах А.В.Запорожца и М.И.Лисиной ощущение себя и его удерживание (т.е. переживание) возникает лишь в условиях *экранирования*. Предметом экранирования является динамика, переходы «внутренних движений». Экранирование предполагает отображение внутреннего и его «возвращение» самому испытуемому. Если отображение дает возможность опробования, экспериментирования с собой – опробования связей между неясными еще внутренними движениями и их отраженным существованием, то экран становится усилителем внутренних ощущений. В экспериментах *отображение, усиление, возвращение* выступают как три функции экрана.

Отображение, усиление и возвращение латентных внутренних ощущений приводят человека в состояние самочувствия, в чувство себя, т.е., попросту, в состояние той или иной степени бодрствования, первый признак которого – осязаемая телесность. Она же – первое допущение «онтологии телесности» [14] и вне этого допущения нет различий между «существом» и «веществом». Ощущать, чувствовать себя - это и значит быть. Можно сказать, что это первая базовая «потребность». Другие базовые потребности (в пище, тепле и т.п.) могут существовать лишь при этом условии.

Исключительной заслугой А.В.Запорожца и М.И.Лисиной была демонстрация того, что самоощущение возникает лишь при условии вынесения его во вне, т.е. лишь в удачном экранировании. Удачным экранирование оказывается в случае, когда внешний вид, «код» внешне отображающий *динамику* еще скрытого внутреннего позволяет работать с внешним изображением, как бы управлять им «из себя», выделяя в себе, в своем теле то, что изображено и тем самым усиливая, приводя к осязаемости «внутренние движения». Разные формы изображения (экранирования) приводят к разной степени самоощущаемости. Так, в экспериментах А.В.Запорожца и М.И.Лисиной зрительное отображение «работало» лучше, чем звуковое, а звуковое – лучше, чем тактильное. Существенно, что в экспериментах самоощущение возникает не в действии преодоления внешних преград, а в пробно-поисковом действии чувственного, телесного «самоопределения».

Понятно, что в жизни человека первыми и основными экранами являются другие люди. Но не просто «другие» и не просто «люди», а другие люди как экранирующие, осуществляющие сложное пробно-поисковое действие отображения, усиления и возвращения.¹ Именно такие

¹ К реальностям экранирования относятся феномены «отраженной субъектности», вычлененные и изученные В.А.Петровским.[12]

действия составляют сущность интимно-личного общения, именно они являются строительными лесами со-бытия [13], со-присутствия, со-переживания и т.п.

Здесь необходимо специально подчеркнуть, что экранность – это не свойство, присущее людям и вещам, а их возможная функция. В самом по себе телесном составе людей и вещей нет никаких отображений и усилений иного. Функция экрана должна быть придана телесности, а телесность преобразована в соответствии с ней. Это преобразование и составляет предметность действий, образующих личное общение и со-переживание.

4

Представление об экранировании – усилении, отображении и возвращении внутренних ощущений как принципе пробуждения и воссоздания чувства себя, а также представление об общении как исходной и первоначальной форме экранирования предполагают еще один поворот в понимании самоощущения (внутреннего чувства) и еще одну гипотезу о его сути. Эти поворот и гипотеза проявятся, если подойти к событию общения со стороны его «ведущего субъекта» - посредника. Каким образом и каким органом взрослый воображает или видит то внутреннее еще неявное состояние ребенка, которое воссоздает с усилением? Чем он «смотрит внутрь» ребенка, на переходы и ритмы его внутреннего движения? За счет чего он резонирует этим переходам? Это возможно только за счет своего внутреннего самоощущения. Внутреннюю форму и энергию иного (как человека, так и вещи) ничем кроме собственных внутренних движений нельзя прочувствовать. Такой ответ вовсе не тривиален. В нем чувство себя представлено не как условие существования, а как *способ*, средство видения иного. Интрацепция и саморецепция оборачивается инорецепцией.

С этой точки зрения перцептивный образ – это выразительная форма рассматриваемого и рассматривающего. Лишь в абстракциях традиционной психологии глаз (или рука) видят отдельно от внутреннего воссоздания. Изгибы, переходы или, словами Ж.Делеза [5], «складки» внешней формы видения и видимого должны «встречаться» со «складками», изгибами и переходами изнутри прочувствования, воссоздания изнутри-становления, субъективации объекта. Подобная встреча и сопряженность внутреннего проигрывания и внешне-перцептивной динамики и была воссоздана в экспериментах А.В.Запорожца и М.И.Лисиной. Такая встреча и сопряженность видения извне и идущего навстречу ему видения изнутри составляет конструкцию экрана, поле и задачу экранирования. Экран – это вовсе не плоскостная, а объемная реальность присутствия в образе внутреннего ритма («пульса»). Важно подчеркнуть, что речь идет именно о внутренне-чувственном проигрывании, внутреннем, а не внешнем подражании или, используя язык А.Н.Леонтьева, - внутреннем уподоблении.

Интуитивно простые, но описательно и аналитически очень сложные представления о внутренне-чувственной перцепции появились при обдумывании результатов эксперимента, в котором еще очень грубо и предварительно моделировалась встреча видения извне и изнутри.²

² Эксперимент проводила И.В.Жуланова [6]

В основу методики проведения эксперимента легло предположение о том, что сопряжение внешнего и внутреннего видения (воссоздания) требует своеобразного способа обозначения вещи (употребления слова). Поскольку экранирование – это принцип опосредствования, теоретизировать и экспериментировать, обходя функцию слова было бы нелогично. В коллизию построения экрана была введена еще одна переменная – значение слова. Введение этой переменной требует комментария. В отношении экранирования основная функция слова – удерживание отображения. В эксперименте, моделирующем *порождение* экрана неверно было бы представлять и конструировать его функцию отображения как нечто естественное, само собой случающееся. Например, так как случается след карандаша на бумаге. В порождении экрана саму «бумагу», а главное ее функцию удерживания пространства различения движений и переходов, относительно которого только и может быть выделено «это», данное движение, необходимо выстраивать. Именно такую «работу» объективации и фиксации пространства внутреннего движения и должно делать слово, удерживая некий образ как пространство «точек переходов» и различий движений.

В соответствии с задачей изучения соотношения внутреннего проигрывания и внешнего видения, объекты, составляющие экспериментальный материал должны были иметь внутреннее пространство, находящееся в определенном отношении к их внешнему виду. Воссоздание этого отношения должно было стать основной задачей испытуемых.

Методика эксперимента была выстроена как существенная модификация методики Выготского – Сахарова.[3] Эксперимент проводился следующим образом: перед испытуемым на столе лежало 18 объемных тел (по типу коробок), сделанных из пенопласта. Одну половину составляли призмы с трех-, четырех- и пятиугольными основаниями, другую – призмы, в основании которых лежали фигуры с формой цветка; это были трех-, четырех- и пятилепестковые фигуры. Кроме формы тела отличались друг от друга цветом, величиной и весом. Эти их свойства были несущественны для решения задачи.

Все коробки имели внутри невидимый извне лабиринт. В девяти коробках форма лабиринта соответствовала форме коробки. Например, в трехлепестковой коробке был лабиринт такой же формы, в треугольной – треугольной формы. В других девяти коробках форма лабиринта была противопоставлена форме коробки. Например, в четырехлепестковой коробке помещался квадратный лабиринт, а внутри квадратной – четырехлепестковый. Первая группа называлась «Хань», вторая – «Мэй». Названия были размещены на листочках, вложенных в специальные «карманчики» на основании фигур. Испытуемым не разрешалось их прочитывать. В лабиринтах находился и свободно перекатывался по изгибам железный шарик, который можно было вставить в коробку через специальное отверстие. Его перекатывание было слышно и мануально ощутимо, поскольку заметно изменяло центр тяжести легкой пенопластовой фигуры.

Процедура эксперимента соответствовала процедуре проведения методики Выготского – Сахарова. Испытуемым говорилось, что перед ним «китайские игрушки»: одни называются «Хань», а другие «Мэй», и показывалось название одной из коробок. Затем их просили все «Хань»

отложить по одну половину стола, а все «Мэй» - по другую. После первой попытки разделения фигур испытуемым указывали на ошибки, демонстрируя названия неверно подобранных игрушек. Игрушки, подобранные верно, оставались, а остальные возвращались в исходное положение и работа начиналась сначала. Количество попыток было неограниченно. Завершая эксперимент, экспериментатор просил испытуемых перевести слова «Хань» и «Мэй» на русский язык.

Ключом к решению задачи было использование движения шарика для воссоздания формы лабиринта, используя для этого движение шарика. Надо было как бы прорисовать лабиринт движением шарика.

В эксперименте участвовали 86 испытуемых: восьмого, десятого, тринадцатого, пятнадцатого, шестнадцатого, семнадцатого и девятнадцатого года жизни.

По способу выполнения задания испытуемые четко разделились на три группы. П е р в а я (самая многочисленная) — это лица, которые вовсе не использовали движение шарика в построении классификации, а опирались лишь на наличные признаки вещи. Вместе с тем они знали, что внутри фигуры двигается шарик (он не раз выпадал наружу вовремя манипуляций), пробовали через отверстие заглядывать внутрь, совали пальцы, стремясь ощупать форму лабиринта, т.е. пытались найти «внутренние» свойства вещи, по которым можно было бы отнести ее к тому или иному классу. Однако при этом и внешняя форма фигуры и ее внутреннее строение оставались для них наличными и готовыми — тем, что уже есть и имеет характеристики, а требуется лишь извлечь нужную из их набора. Наличие лабиринта и шарика было одним из свойств коробки наряду с другими. Для этих испытуемых просто не существовало задачи воссоздания внутреннего строения вещи, поэтому они и не использовали движение шарика в качестве «проявителя», своеобразного «прорисовывателя» этого строения. Такие испытуемые, для которых значение слова задается постоянным сочетанием некоторых наличествующих и данных признаков вещи, преобладали во всех возрастных группах. Подобных решений было 70% от общего числа. Характерно, что при ответе на вопрос о переводе слов «Хань» и «Мэй» с «китайского» на русский многие из этих испытуемых фантазировали, опираясь на все имевшиеся у них ассоциации с чем-либо китайским («мыслящий тростник» и пр.).

Испытуемые в т о р о й группы не только стремились выделить внутреннее строение предмета, но и делали это с помощью движения шарика в лабиринте. Однако они проводили классификацию лишь по признакам движения шарика, не соотнося траекторию его движения с формой вещи. Для многих из них была характерна попытка ощутить и зафиксировать именно *свойства движения*, без представления этого движения как *траектории*. Это выражалось в репликах: «Здесь он подпрыгивает, а здесь нет», «Тут какая-то перегородка, а тут нет», «Здесь шарик больше слышно». В этой группе были и испытуемые, которые представляли движение шарика более точно: «В «Мэй» ходы более прямые, при наклоне коробки шарик падает, катится быстрее; в «Хань» ходы более кривые, шарик катиться дольше, потому что кривой ход». Перевод «китайских слов» у этих детей также не был соответствующим положению вещей. Таких решений было 10%.

Испытуемые т р е т ь е й группы выделяли отношение между формой траектории и формой коробки. В работе этих испытуемых присутствовали развернутые пробы «прочерчивания» шариком формы лабиринта. Это были и целостные, полные движения коробкой, и более короткие движения «туда – обратно», которые можно назвать «циркулярными» и с помощью которых опробовались и воссоздавались отдельные «узлы», ключевые переходы лабиринта.

Характерно, что в результате этих проб испытуемые фиксировали *форму траектории*, а не только те или иные свойства движения шарика. Это не всегда была форма всего лабиринта; могла фиксироваться и форма его единиц, ключевых различающих элементов («здесь угол, а здесь дуга»). Характерно также, что эти испытуемые чаще всего работали одновременно с двумя предметами, держа по одному в каждой руке, т.е. сопоставление движений входило у них в само опробование. Испытуемые этой группы переводили «китайские слова» как «соответствие» и «несоответствие» или «совпадение» и «несовпадение». Один молодой человек предложил перевод «правда – неправда». Несколько выходя за пределы полученных фактов, можно допустить, что здесь ему впервые открылся новый образ правды и неправды, которые выступили как соответствие и несоответствие внешнего и внутреннего.

У испытуемых третьей группы, в отличие от первой, в течение эксперимента строился новый функциональный орган. Свои кинестетические ощущения они использовали в необычной функции средства определения траектории движения шарика. С их помощью «прорисовывалась» форма лабиринта. Надобность в новом органе видения – превращении внутренних ощущений в средства видения – появлялась в случаях, когда сам объект (коробка) выступал не как сочетание свойств и элемент пространства похожий на другие элементы или отличный от них. В нем виделись не только свойства, но и процессы действия, которые могут стать ключом к пониманию и воссозданию его «внутренней» жизни. Вещь превращалась в поле, пространство возможных движений, закрытых для прямого обозрения. Лишь в отношении такой вещи уместна задача внутреннего уподобления.

У испытуемых первой и третьей группы были разные предметы сопоставлений. Одни сопоставляли черты вещей, а другие изгибы, «складки», переходы их форм (в нашем случае – геометрических форм). Средством последних было *сопоставление переходов*, изгибов движения. Здесь системой отсчета – тем относительно чего видно тождество и различие переходов и тем, относительно чего различаются внутренние ощущения – была внешняя геометрическая форма коробки. Эта форма из свойства вещи превращалась в экран, переводивший внутренние усилия в траекторию движения. Повторю еще раз: предметом, который требовал отображения и фиксации были именно *переходы* движений шарика. Это отчетливо видно на тех пробах, которые были названы «циркулярными». Эти же пробы – многократное повторение переходного «отрезка» движения – были усилителями и проявителями формы движения.

Возвращение к гипотезе о роли внутреннего проигрывания и его связи с внешним видением при рецепировании «внутренней жизни» объекта требует обобщения полученного экспериментального материала. Превращение самоощущения во внутреннее уподобление – это

способ работы с «точками» переходов во внутренней жизни объекта. Внешняя форма такого видения – представление объекта как связности границ, связной картины складок «упаковки» его внутренней жизни. Именно на этих складках-изгибах, отвечающих изменениям внутренних процессов сосредотачивается «жизненная энергия» объекта, в них он субъективируется. Аналитика, язык и описания, идентифицирующие объект по сочетаниям его неизменных свойств, как натурально внутренних, так и внешних, требуют не уподобления, а сопоставления вещей, через обращение к рядам, таблицам и словарям, где эти свойства упорядочены. Такие ряды, таблицы и словари в данном случае и являются заменителями экранов – предметами, заменяющими мобилизацию собственного внутреннего ресурса действия.

Мобилизация внутреннего ресурса – приведение себя в состояние самоощущения и использование этого состояния самоощущения в видении – необходимо лишь в случаях действий, соучаствующих в порождении. Именно здесь, в придании собой формы становлению иного возникает ситуация экранирования – усиления отображения и возвращения энергии становления. И лишь эта ситуация делает понятным то, почему произведение строится «из ... фокуса чувствуемой активности порождения». [1]

Л и т е р а т у р а:

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худ. лит-ра, 1975
2. Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М.: Медицина, 1966
3. Выготский Л.С. Собр.соч.: В 6т. М.: Педагогика, 1982-1984
4. Гордеева Н.Д., Зинченко В.П. Функциональная структура действия. М.: Изд-во МГУ, 1983
5. Жуланова И.В. Продуктивное действие в построении искусственных понятий. Автореф. канд. дисс. М., 1998
6. Запорожец А.В. Развитие произвольных движений. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959
7. Зинченко В.П. Мысль и слово Г.Г.Шпета. М.: Изд-во УРАО, 2000
8. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975
9. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Политиздат, 1975
10. Леонтьев А.Н., Запорожец А.В. Восстановление движения. М.: Сов.наука, 1945
11. Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-н/Д.: Феникс, 1996
12. Слободчиков В.И. Психологические проблемы становления внутреннего мира человека. // Вопр. Психол., 1986, №6 с.14-22
13. Тхостов А.Ш. Психология телесности. М.: Смысл, 2002
14. Эльконин Б.Д. Действие как единица развития.// Вопр. психол., 2004, №1 с.35-49
15. Эльконин Б.Д. Психология развития. М.: Академия, 2001